

Философские науки

УДК 316.2

И.В. Дёмин

Дёмин Илья Вячеславович, кандидат философских наук, доцент Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева (г. Самара, 443086, ул. Московское шоссе, 34), ilyadem83@yandex.ru

ТЕХНИКА И ЧЕЛОВЕК В ФИЛОСОФСКИХ КОНЦЕПЦИЯХ

Ф. Г. ЮНГЕРА И Х. ОРТЕГИ-И-ГАССЕТА*

Рассматриваются и сопоставляются трактовки сущности техники в философских концепциях Х. Ортеги-и-Гассета и Ф.Г. Юнгера. Особое внимание уделяется вопросу о трансформации сущностных характеристик и параметров существования человека в эпоху современной машинной техники.

Ключевые слова: техника, сущность техники, философия техники, техницизм, человек, техногенная цивилизация.

I.V. Demin

Djomin Il'ja Vjacheslavovich, PhD, Associate Professor, Samara University (Samara, Moskovskoe shosse st., 34), ilyadem83@yandex.ru

* Статья выполнена при поддержке Совета по грантам Президента Российской Федерации, проект МД-6200.2016.6 «Семиотические основания техники и технического сознания».

TECHNOLOGY AND HUMAN IN F.G. JUNGER'S AND J. ORTEGA Y GASSET'S PHILOSOPHICAL CONCEPTS

Interpretation of the essence of technics in the Jose Ortega y Gasset's and Friedrich Georg Jünger's philosophical concepts are considered and compared. Particular attention is paid to the question of the transformation of the essential characteristics of the human in the age of modern technology.

Keywords: technology, the essence of technology, philosophy of technology, technicism, human, technological civilization.

В современной философии реализуются различные стратегии и подходы к анализу феномена техники. Техника рассматривается в качестве а) фактора социально-экономического развития, б) прикладного естествознания, в) специфической формы сознания и «среды жизнедеятельности человека» [8, с. 232].

Последнее направление представляется наиболее перспективным, так как открывает возможности для продуктивного переосмысления традиционных философских вопросов о человеке, обществе, культуре. На первый план здесь выходит задача выявления экзистенциальных и социокультурных смыслов техники. Решение этой задачи предполагает рассмотрение феномена техники в его неразрывной связи с человеческим бытием, а также прояснение соотношения между техникой и другими социально-культурными феноменами: наукой, идеологией, моралью, правом, религией.

В философии XX в. наибольшее внимание вопросу об экзистенциально-антропологических смыслах техники уделяли такие философы, как М. Хайдеггер, Ф.-Г. Юнгер, Х. Ортега-и-Гассет, К. Ясперс, Н.А. Бердяев. В данной статье мы рассмотрим и сопоставим трактовки

сущности техники в философских концепциях Ортеги-и-Гассета и Фридриха Георга Юнгера.

Ортега-и-Гассет одним из первых среди профессиональных философов обратился к проблеме «техника и человек» и проанализировал ее с позиций философской антропологии. Технофилософскую концепцию Ортеги-и-Гассета исследователи относят к антропологическому направлению [7], которое можно было бы назвать также *экзистенциально-антропологическим* [3]. В рамках этого направления, как отмечает Г.М. Тавризян, техническая цивилизация «рассматривается как бы изнутри, в *повседневном, будничном* соприкосновении с ней отдельного человека» [11, с. 9] (курсив Тавризян – И.Д.). Ключевые положения технофилософской концепции Ортеги-и-Гассета были сформулированы в работе «Размышления о технике», опубликованной в 1939 году.

Работа Фридриха Георга Юнгера «Совершенство техники» была написана в 1939 и опубликована в 1946 году. В этой работе затрагиваются те же вопросы, что и в «Размышлениях о технике», однако, решаются они принципиально иначе. Сопоставления двух трактовок техники, представляющих одно (экзистенциально-антропологическое) направление, но при этом фундаментально *различных*, имеет существенное значение для современной философии техники.

Трактовка сущности техники у Ортеги-и-Гассета может быть выражена в следующих тезисах:

- 1) техника является неустранимым посредником между человеком и природой, универсальным средством преобразования окружающей среды;
- 2) техника удовлетворяет специфически человеческую потребность в *избыточном*, техника есть «производство избыточного»;
- 3) техника есть функция человеческой «жизненной программы».

Рассмотрим подробнее каждый из этих пунктов.

1. Тезисы о том, что технический универсум опосредует взаимоотношения человека с миром природы, а сам человек есть существо

изначально техническое в современной философии техники и социальной философии являются общепринятыми, однако, в концепции Ортеги-и-Гассета эти тезисы получают новое, не вполне привычное звучание. Техника определяется испанским философом как «реакция человека на природу или обстоятельства, в результате которой между природой, окружением, с одной стороны, и человеком – с другой, возникает некий посредник – сверхприрода, или новая природа, надстроенная над первичной» [9, с. 170].

Традиционное и ставшее привычным понимание техники как искусственно созданного человеком универсума средств, орудий и механизмов у Ортеги-и-Гассета сочетается с экзистенциалистским пониманием человека как «проекта» и «жизненной программы».

2. Технические действия, то есть действия по созданию и использованию орудий, средств, механизмов не направлены на непосредственное удовлетворение потребностей, «которые природа или обстоятельства заставляют испытывать человека» [9, с. 171]. Цель технических действий человека – не приспособление к среде обитания, но *преобразование самой этой среды*. «Техника – это преобразование природы, той природы, которая делает нас нуждающимися, обездоленными» [9, с. 170].

Само понятие человеческой потребности, как показывает Ортега-и-Гассет, является двойственным: оно включает в себя как потребность в *объективно необходимом*, так и потребность в *излишнем*, биологически избыточном. Именно потребность в излишнем и является *собственно человеческой* потребностью, тогда как потребность в объективно необходимом роднит человека со всеми прочими видами живых существ [4]. Из этого вытекает такая характеристика человеческого существования: «человек – это такое животное, которому нужно только лишнее» [9, с. 175].

Если человек – это существо, которое нуждается только в избыточном, то техника есть универсальный способ удовлетворения специфически человеческой потребности в избыточном. Этот тезис имеет равную силу применительно к любому виду технической деятельности и к любому этапу

эволюции техники: «Техника – это производство избыточного и ныне, и в эпоху палеолита» [9, с. 175].

С такой трактовкой техники связан еще один важный ее аспект, который неоднократно отмечался исследователями: техника экономит и высвобождает время и силы человека, техника – это «усилие ради сбережения усилий» [9, с. 178]. Смысл технических действий в том, чтобы полностью или частично избавить человека от «неотложных забот и дел, навязываемых обстоятельствами» [9, с. 181].

3. Экзистенциально-антропологическая трактовка техники, разрабатываемая в философии Ортеги-и-Гассета, предполагает, что техника не может рассматриваться в отрыве от человека: «напрасны любые усилия изучать технику как самостоятельное образование, как нечто, направляемое одним-единственным вектором, а тем более – заранее известным» [9, с. 176].

В пику тем философским концепциям, которые утверждают безусловный характер технического прогресса, его независимость от культуры и ценностно-целевых структур, Ортега-и-Гассет, подчеркивает, что способ бытия человека *первичен* по отношению к типу технической деятельности, а тип техники определяется господствующей в ту или иную эпоху «жизненной программой».

Ортега-и-Гассет исходит из экзистенциалистского понимания человеческого существа. «Его рассуждения, с точки зрения метода, – отмечает Карл Митчем, – не являются рационалистическими, но скорее экзистенциалистскими» [5, с. 35]. Человек есть проект, «жизненная программа», «то, чего еще нет, и то, что стремится быть» [9, с. 186]. Все вопросы, связанные с особенностями технической деятельности человека, типологией техники, периодизацией технического процесса, решаются Ортегой-и-Гассетом, исходя из *проективного* понимания человеческого бытия.

Мнение о том, что человек есть «простое животное, по случайности обладающее техническим даром» [9, с. 190], Ортега-и-Гассет считает глубоко

ошибочным. Даже наделив животное «волшебным техническим даром», то есть способностью производить и использовать технические средства, мы не получим человека.

Техника сопутствует человеку на протяжении всей его истории, техника способствует осуществлению той или иной человеческой «жизненной программы», но сама по себе она этой программы не создает: «Жизненная программа имеет дотехнический характер» [9, с. 192].

Пожалуй, наиболее существенный вклад Ортеги-и-Гассета в философию техники XX века заключается в экспликации культурно-исторических и мировоззренческих оснований различных типов техники, прежде всего, современной машинной техники. Возможность появления машинной техники укоренена в определенной жизненной программе, которая, в свою очередь, вызревает и возникает в определенных культурно-исторических условиях. В этом смысле техника – это «функция переменной человеческой программы» [9, с. 196]. Ортега-и-Гассет отмечает: «Вероятность того, что человек, абсолютно не желающий двигаться, изобретет автомобиль, безусловно, крайне мала» [9, с. 196]. Аналогичным образом народ, в котором преобладает убеждение, будто подлинное бытие человека – это бытие бодисатвы, не способен создать современную машинную технику [9, с. 196].

В основании современной техники лежит жизненная программа «джентльмена». Ортега-и-Гассет выявляет «технические характеристики» этой программы, сравнивает ее с другими, альтернативными жизненными программами («бодисатвы» и «идальго») и показывает, почему именно этот способ существования сделал возможным появление принципиально нового типа техники.

Установление устойчивой и необходимой связи между направлением развития техники и тем способом бытия («жизненной программой»), который избирает человек, является важной концептуальной предпосылкой периодизации истории техники. Ортега-и-Гассет подвергает критике

распространенную «европоцентристскую» точку зрения, согласно которой есть только одна настоящая техника – современная евроамериканская машинная техника, «по сравнению с которой все остальное – только неуклюжий жест и наивная попытка ей подражать» [9, с. 209]. В действительности «каждому человеческому проекту, каждому типу жизни соответствует своя техника» [9, с. 209].

Если какая-то типология и периодизация истории техники возможна, то в основание ее должен быть положен такой параметр, как *способ соотнесенности* человека с техническими средствами. Ортега-и-Гассет особенно подчеркивает, что технические изобретения, какими бы значимыми и эпохальными они ни казались, *сами по себе* не могут служить основанием для периодизации истории техники. «Исходным принципом для периодизации технической эволюции должно служить само отношение между человеком и техникой, иначе говоря, мнение, которое сложилось у человека о технике, – и не о том или другом ее конкретном типе, а о самой функции вообще» [9, с. 212].

Подведем итог рассмотрению философской концепции Ортеги-и-Гассета. Источник изменения видов и форм технической деятельности, а также самих технических устройств усматривается испанским философом не в самой технике, а вне ее – в культуре и мировоззрении, а в конечном счете – в господствующей жизненной программе и ее трансформациях. «И смысл, и причина техники, – писал Ортега-и-Гассет, – лежат за ее пределами» [9, с. 191]. Из этого следует, что истоки бурного развития техники, равно как и причины технического (технологического) застоя следует искать в усилении/ослаблении «жизненной программы», лежащей в основании современной техники. Важно также отметить, что человек-техник (человек как носитель технического, технократического сознания) даже в эпоху современной машинной техники не является *экзистенциально первичной* ролью человека. Человек-техник всегда вторичен по отношению к человеку, выбирающему свою жизненную программу. Из этого вытекает

принципиальная *невозможность технократии*, власти техники и человека-техника.

Таким образом, Ортега-и-Гассет видит в человеке активное начало, субъекта деятельности, который создает и преобразует техническую среду своего существования. Бытие субъекта в концепции Ортега-и-Гассета никогда не исчерпывается его техническим функционированием, наиболее существенные, экзистенциально значимые аспекты человеческого бытия не подвержены технизации и функционализации.

Обратимся теперь к технофилософской концепции Юнгера.

Фридрих Георг Юнгер разработал оригинальную трактовку техники, которую, наряду с концепциями Ортега-и-Гассета и Хайдеггера [2, с. 42-46], можно отнести к антропологическому (экзистенциально-антропологическому) направлению в философии техники.

Если Ортега-и-Гассет в целом придерживался инструментальной трактовки техники, соединяя ее с экзистенциалистским пониманием человека, то Юнгер исходит из того, что традиционное инструменталистское определение техники является недостаточным и неполным. В работе «Совершенство техники» [12] под «техникой» понимается не просто совокупность орудий, средств и механизмов, с помощью которых человек удовлетворяет потребности и реализует свои цели, но, прежде всего, *способ организации человеческой жизни*, присущая современному человеку *форма существования*. «Техника» у Юнгера – это не отдельно взятое техническое устройство или орудие, но «техническая система», технический (механический) *способ организации* чего бы то ни было, в том числе и человеческой деятельности. Любое техническое средство следует рассматривать не изолированно, а в широком организационном контексте [12, с. 23]. Традиционное инструменталистское определение техники перестает работать, как только мы признаем, что любое техническое средство, во-первых, является *элементом системы*, а, во-вторых,

предполагает определенный тип человеческого поведения и способ существования.

В отличие от инструменталистских концепций Энгельса или Ясперса, в которых техника рассматривалась как инструмент воли социального субъекта, в социально-философской концепции Юнгера техника, как отмечает А.В. Михайловский, «сама становится субъектом – совершенной системой средств, безжизненным автоматом, вступающим в неразрешимое противоречие с человеческой свободой» [6, с. 83]. Понимание техники как *квази-субъекта* находит выражение в таких грамматических конструкциях, как «техника ставит человека себе на службу» [12, с. 126], «техника ничего не творит, она организует спрос» [12, с. 37] и т.д.

Вопрос о сущности техники традиционно связывался в философии с проблемой *отчуждения человека*. В отличие от Маркса и марксистов, Юнгер усматривает источник отчуждения человека не в формах собственности на средства производства, но *в самой технической организации*, в которую человек оказывается функционально вовлеченным. Социализм и капитализм в вопросе о технике принципиально ничем друг от друга не отличаются. Сторонники социализма и капитализма придерживаются одних и тех же исходных предпосылок: техника рассматривается как простое орудие человеческой деятельности, как вещь, находящаяся в собственности. Социальные теории XIX века (как либеральные, так и социалистические) не проводили принципиальных различий между машиной и другими объектами собственности. В экономическом и правовом отношении машина считалась *вещью*. Этот вопрос подробно рассматривался Юнгером в работе «Машина и собственность».

Спор о том, в чьих руках должны находиться технические орудия и какой должна быть форма собственности на средства производства, является, с точки зрения Юнгера, несущественным и уводящим от сути дела. «Рабочий, – писал Юнгер, – отвергал не саму эксплуатацию, *которую порожидала техника*, а эксплуататора, который держал в своих руках

средства производства, распоряжался ими, а его, рабочего, использовал в качестве осла на мельнице, которая мелет зерно. Он верил, что все обязательно переменится, когда аппаратура перейдет в его распоряжение» [12, с. 111] (курсив мой – И.Д.). Гораздо более важным ему представляется вопрос о том, какие изменения происходят в самом человеке, в его самопонимании, в характере его существования в ходе совершенствования техники, под влиянием процессов технизации. Эти изменения, однако, имеют *надклассовую* природу, поскольку в равной степени затрагивают все общество.

Труд рабочего в эпоху господства машинной техники приобретает, согласно Юнгеру, все более механический, а, следовательно, и отчужденный характер. Труд человека утрачивает необходимую связь с его личностью: «Рабочий стал более подвижным, но зато его и легче стало включить в рамки организации. Такого работника, чей труд уже не связан с его личностью, легче подчинить организации; его можно использовать в любом пункте рабочего плана» [12, с. 96].

Анализируя метаморфозы субъекта трудовой деятельности, Юнгер вводит фигуру «Техника». Человек (рабочий) в современную эпоху выступает в роли Техника. «Техник» есть субъект, онтологически *соразмерный* современной машинной технике, рабочий, поставленный техникой на службу и *включенный* в техническую организацию на правах функционера.

Метафора «включения» играет исключительно важную роль в концепции Юнгера. Слово «включение» имеет два основных смысла, и оба они значимы для описания положения человека в системе технической организации. С одной стороны, здесь содержится указание на *инкорпорацию*, *вхождение* человека в систему, функционирующую по своим собственным законам. С другой стороны, «включить» – значит *задействовать*, *привести в действие* какой-то механизм, агрегат, аппаратуру. Человек включается в техническую систему, приводится ею в действие и, в то же время, находясь

внутри системы, запускает ее, обеспечивает и поддерживает ее бесперебойное функционирование. Выражения «техника *включает* человека» и «человек *включается* в систему техники» означают только одно: человек низводится до уровня функции, отождествляется со своей *функциональной ролью*, осмысляет себя в качестве «звена в цепи» механических процессов.

Сходные размышления можно обнаружить и в концепции Ортеги-и-Гассета. Так, сравнивая современную машинную технику с техникой ремесленной, он пишет: «В ремесле орудие или инструмент – придаток человека, и последний, даже будучи ограничен в своих “естественных” актах, продолжает оставаться главным действующим лицом. В машине, наоборот, орудие выходит на первый план, а сам человек – просто ее придаток» [9, с. 218]. Однако это сходство во многом остается внешним и поверхностным. Дело в том, что в концепции Ортеги-и-Гассета техника (в том числе и современная машинная техника) производна от человеческой жизненной программы, и «превращение человека в придаток машины» – это в известном смысле *выбор и решение самого человека*, а не фатальная неизбежность. Юнгер же рассматривает процессы технизации и функционализации человеческого бытия в терминах судьбы и предопределенности. «В машине, – писал он, – живет собственная воля, которая направлена совсем на другие цели, чем экономический расчет, обеспеченность и процветание, которыми славился XIX век. Эта воля на первых порах присутствует скрытно, затем выступает наружу и диктует свои правила» [12, с. 315]. Приведенный фрагмент убедительно свидетельствует в пользу того, что подлинным субъектом в концепции Юнгера выступает не человек, но сама техническая организация, которая имеет собственную логику развития и под влиянием которой экономика, политика, право, идеология, религия (и все прочие параметры социального бытия) претерпевают необратимые изменения.

Юнгер отмечает, что чем более эффективно человек «функционирует» в контексте технической организации, чем полнее он «растворяется» в ней, тем меньше он *живет* как человек. Чем «совершеннее» и функциональнее

техника, тем меньше возможностей для аутентичного человеческого существования она оставляет. При этом всякое уклонение человека от своей роли Техника (функционера) чревато производственными авариями и техногенными катастрофами [12, с. 150–151]. Человек техногенной цивилизации обречен на то, чтобы действовать в соответствии с логикой, навязанной технической организацией. Всякий иной тип поведения оказывается для человека губительным и самоубийственным.

Техническая организация (совокупность технических устройств и коррелятивных им функциональных ролей) не является *замкнутой* самовоспроизводящейся системой. Техника представляет собой принципиально *разомкнутую* систему, поскольку она вынуждена черпать ресурсы извне, из природы: «Любая техническая работа требует субстрата, благодаря которому она осуществляется» [12, с. 168]. Логика технической рациональности требует вовлечения в техническую организацию все новых и новых областей неорганизованного (спонтанного, естественным образом существующего) сущего [12, с. 40].

Техника для своего функционирования требует субстрата (природы), и в то же время она неуклонно разрушает, подтачивает этот субстрат, осуществляя «опустошительное наступление на природу» [12, с. 40]. Такая трактовка высвечивает *эксплуаторскую* и *паразитарную* природу техники. Юнгер отвергает расхожую точку зрения, согласно которой техника создает богатство и позволяет человеку сэкономить силы и время (эту точку зрения разделял и Ортега-и-Гассет). «Характерным признаком технической организации является не преумножение богатства, а распространение бедности» [12, с. 554], техническая организация есть «организация дефицита» [12, с. 554]. Процесс совершенствования техники приводит к тому, что природные блага все более и более оказываются в дефиците и, следовательно, подлежат все более тщательному и скрупулезному распределению и техническому регулированию [12, с. 545].

Возрастающая эксплуатация природы и самого человека не является только побочным следствием технического прогресса, совершенствования (рационализации) технической организации. Имеется необходимая, сущностная взаимосвязь между машинной техникой и эксплуатацией природы. Эксплуатация есть отношение к природе, с необходимостью вытекающее из самого существа технической организации. Техника не может развиваться и совершенствоваться, не ужесточая эксплуатацию природы и самого человека: «Технический прогресс борется со всем, что отказывается отдать ему свои резервы, которые он желает использовать себе на потребу, будь то человеческие или материальные ресурсы» [12, с. 140].

Мышление Техника не идеологично и даже не исторично: «технике свойственны черты внеисторичности и аполитичности» [12, с. 186]. Техника сама по себе идеологически нейтральна, индифферентна по отношению к конкретному аксиологическому содержанию той или иной идеологии. Невозможно поэтому сказать, какая именно идеология в наибольшей степени соответствует требованиям научно-технического прогресса. Мышление Техника «не идеологично, потому что аппаратура, с которой он работает, тоже не имеет отношения к идеологии» [12, с. 188]. Техника в аксиологическом смысле нейтральна, техническое сознание не нуждается, с точки зрения Юнгера, в идеологических и аксиологических предпосылках.

Таким образом, в концепции Юнгера субъект оказывается «растворен» в технической среде, полностью «включен» в техническую организацию, всецело задействован в ней. Эта среда является столь же неустранимой и «фатальной» для человека, как воздух, которым он дышит. Подлинным субъектом здесь является не человек, но сама техническая организация. Философия техники Юнгера является принципиально *бессубъектной*.

Подведем итог. В обеих концепциях техника мыслится как среда человеческого существования и рассматривается в неразрывной связи со способом человеческого бытия, что позволяет отнести эти концепции к

экзистенциально-антропологическому направлению в философии техники. На этом сходства заканчиваются и начинаются различия.

Начнем с тематических различий. Ортега-и-Гассет в «Размышлениях о технике» стремится дать философское осмысление феномена техники *в целом*. Это осмысление включает в себя прояснение соотношения между техникой и человеческими потребностями, техникой и способом человеческого существования, выявление основных способов соотнесенности человека с техническими средствами и основных этапов эволюции техники. Юнгер же ограничивается рассмотрением только современной машинной техники, хотя при этом он и проводит многочисленные параллели с техникой традиционного общества.

Главное различие двух концепций заключается в трактовке субъекта и его места в контексте универсума техники. В философской концепции Юнгера человек по отношению к технике выступает в роли проводника «демонической» энергии механической организации и «посредника» во взаимоотношениях между техникой и природой. У Ортеги-и-Гассета человек как носитель определенной «жизненной программы» выступает в качестве экзистенциального основания технического универсума. Техника же по отношению к человеку есть среда и средство. Ортега-и-Гассет остается в рамках инструментального понимания техники, тогда как Юнгер его частично преодолевает.

Юнгер рассматривает взаимосвязь техники и человека, абстрагируясь от культурно-исторических аспектов человеческого бытия. Техника мыслится им как феномен *внеисторический*. Ортега-и-Гассет, напротив, уделяет вопросу о генезисе современной техники и технократического сознания самое пристальное внимание. Он усматривает истоки современной техники в самом человеке, в его самопонимании и миропонимании, в его «жизненной программе», в его *свободном*, но в то же время культурно-исторически *обусловленном* выборе самого себя.

Если Ортега–и-Гассет задается вопросом о том, какие изменения в духовной культуре и мировоззрении сделали возможным появление современной машинной техники, то Юнгер формулирует вопрос принципиально иначе: какие изменения происходят в мировоззрении человека, формах его социальной организации под влиянием процессов технизации? В концепции Юнгера техника рассматривается в качестве исходного и определяющего фактора социально-культурных трансформаций, тогда как Ортега-и-Гассет усматривает источник социальных изменений не в самой технике, а в способе соотнесенности человека с техническим универсумом, который, в свою очередь, определяется господствующей в той или иной культуре жизненной программой.

Список использованной литературы

1. *Аль-Ани Н.М.* Философия техники: очерки истории и теории. СПб., 2004.
2. *Демин И.В.* Критика инструменталистской трактовки техники в философии М. Хайдеггера // Человек в техносреде: конвергентные технологии, глобальные сети, Интернет вещей: сб. науч. ст. Вологда, 2014.
3. *Демин И.В.* Экзистенциально-онтологическое обоснование техники в философии М. Хайдеггера // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Философия. Филология. 2010. № 2.
4. *Зыкова А.Б.* Учение о человеке в философии Х. Ортеги-и-Гассета: критические очерки. М., 1978.
5. *Митчем К.* Что такое философия техники? М., 1995.
6. *Михайловский А.В.* Свобода техники? К пониманию техники у Эрнста и Фридриха Георга Юнгеров // Философские науки. 2013. № 7.
7. *Негодаев А.И.* Философия техники. Ростов н/Д, 1997.
8. *Нестеров А.Ю.* Вопрос о сущности техники в рамках семиотического подхода // Вестник Самарского государственного

аэрокосмического университета им. академика С.П. Королева (национального исследовательского университета). 2015. Т. 14. № 1.

9. *Ортега-и-Гассет Х.* Избранные труды. М., 1997.

10. *Соловьёва С.В.* На стороне власти: очерки об экзистенциальном смысле власти. Самара, 2009.

11. *Тавризян Г.М.* Философы XX века о технике и «технической цивилизации». М., 2009.

12. *Юнгер Ф.Г.* Совершенство техники. Машина и собственность. СПб., 2002.